

К вопросу о сущности юридических препятствий

Борцов А.В.,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Пермского института ФСИН России
E-mail: borcov_90@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу распространенной в последнее время в научной литературе категории «юридические препятствия». Автор статьи приходит к выводу, что рассматривать юридические препятствия необходимо с позиции либертарно-юридического типа правопонимания. В качестве юридических препятствий можно квалифицировать любые негативные явления и процессы, которые не способствуют, препятствуют достижению целей правового воздействия. **Ключевые слова:** препятствия, правопонимание, либертарно-юридическая теория, легизм, правовое воздействие, правовое регулирование.

В современном российском законодательстве нередко встретишь использование в правовых нормах такого термина, как «препятствие», и различных производных от него понятий. Так, ч. 4 ст. 3 Налогового кодекса РФ говорит нам о недопустимости установления законодательных *препятствий* к занятию не запрещенной законом экономической деятельностью физических лиц и организаций. Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает, что участие прокурора в производстве предварительного расследования не является *препятствием* для дальнейшего его участия в производстве по данному уголовному делу (ч. 2 ст. 6). Часть 5 ст. 28 Закона о банкротстве¹ определяет недопустимость установления *препятствий* для быстрого и свободного доступа любого заинтересованного лица к предусмотренным данным законом сведениям. Данные примеры можно продолжать долго. Так, только в приведенном выше Законе о банкротстве термин «препятствие» употребляется около 30 раз. Анализ правоприменительной практики также показывает, что субъекты различных правоотношений сталкиваются со всевозможными препятствиями при реализации своих прав и обязанностей. Кроме того, своего рода препятствия можно наблюдать и в других областях правовой действительности. К примеру, вполне объективно мы можем говорить о довольно неоднородном уровне правосознания и правовой культуры различных категорий граждан. Как показывает статистика, общий уровень правовой осведомленности и отношения к праву граждан, проживающих в сельской местности, по сравнению с лицами, проживающими в крупных городах, мегаполисах, остается на достаточно низком уровне, что детерминирует различные негативные правовые явления: правовой нигилизм, правонарушения, преступность и т.д. И вполне очевидно, что данная ситуация сложилась из-за совокупности объективных и субъективных факторов, отрицательно влияющих на уровень правосознания и правовой культуры обозначенной категории

граждан и, как следствие, *препятствующих* его повышению. В целом необходимо отметить, что говорить о своего рода препятствиях можно при рассмотрении практически любого правового явления или процесса. В тех или иных вариациях мы можем говорить о факторах, препятствующих нормальному процессу правотворчества, правоприменения и т.д. При этом необходимо отметить, что анализ данных препятствий в той или иной области правовой действительности показывает, что они носят различный по своему происхождению и содержанию характер. Так, некоторые из них могут быть обусловлены объективными причинами (неисполнение обязательства из-за стихийного бедствия), субъективными (незнание закона, желание избежать наказания, предрассудки); ряд препятствий может быть преодолен, предотвращен, другие, напротив, устранить невозможно (физические недостатки, препятствующие участию в различных правоотношениях (инвалидность)) и т.д. В целом необходимо резюмировать, что, несмотря на свою разнообразную природу, данные препятствия объединяет общее свойство — их выражение (обнаружение) в правовой жизни, правовой действительности. В связи с этим необходимо отметить, что в научной литературе данные негативные факторы, явления формулируются в качестве самостоятельной правовой категории — юридические или правовые препятствия.

Говоря о данной категории, надо полагать, что критически важным является определение того, что же является объектом воздействия данных юридических препятствий. Иными словами, необходимо определить, чему именно данные правовые явления препятствуют.

Учитывая, что общепризнанной дефиниции юридических препятствий правовая наука еще не знает, начать решение вышеобозначенного вопроса об определении объекта их воздействия хотелось бы с простого толкования лексического значения термина «юридические препятствия» или «правовые препятствия».

И в первую очередь стоит отметить, что традиционно препятствия рассматриваются как барьеры, препоны, помехи, преграждающие какое-либо

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Парламентская газета. 2002. № 209–210. 2 ноября.

движение, действие, процесс, устремление. Последние, в свою очередь, мы можем определить как явления, характеризующиеся своей целенаправленностью, результативностью. Иными словами, любой процесс, действие и т.п., если не брать в расчет различные иррациональные суждения, должны привести к каким-либо последствиям, замыслам, промежуточным или итоговым результатам. Вполне логично предположить, что суть любых препятствий в данном случае будет заключаться в негативном воздействии на всякого рода явления с точки зрения невозможности или неэффективности достижения их целей, результатов.

Слово же «правовой» или «юридический» в контексте лексического толкования обозначенного нами термина означает принадлежность к праву², связанность с правом, характерность для него.

Таким образом, можно сказать, что с точки зрения лексического толкования термин «юридические препятствия» подразумевает под собой некие преграды, не позволяющие достичь в должной степени тех целей, которые право должно преследовать. Однако в данном случае необходимо оговориться, что право как таковое не может иметь целей. Право подразумевает под собой некую статическую категорию, систему норм. Поэтому говорить о целях права не совсем корректно, так как сама категория «цель» подразумевает под собой определенную динамику, движение, процесс, действие. Поэтому более правильно будет говорить о целях правового регулирования (или правового воздействия), а не о целях права как такового. Именно данные категории позволяют «оживить» право, отразить его главное предназначение, заключающееся в упорядочении общественных отношений. Правовое регулирование (правовое воздействие) — это процесс, имеющий свою цель. Поэтому рассмотрение природы юридических препятствий должно рассматриваться в контексте анализа именно целей правового регулирования (правового воздействия).

При этом вся сложность заключается в том, что однозначно определить цели не представляется возможным, поскольку научный взгляд на вопрос о том, что же является целями правового регулирования (правового воздействия), во многом зависит от теоретико-методологического подхода к познанию права как такового, то есть от типа правопонимания, который В.В. Лапаева справедливо определяет в качестве «специфического вида научной парадигмы»³. Иными словами говоря, изучение

отдельных правовых явлений будет во многом зависеть от того, какого научного взгляда придерживается познающий субъект с точки зрения правопонимания. Познание целей правового регулирования (правового воздействия) и, как следствие, изучение природы юридических препятствий в качестве отдельных правовых категорий в данном контексте не является исключением. Это можно проиллюстрировать на простом примере. Так, с позиции легистского подхода к пониманию права, цель правового регулирования (правового воздействия) можно сформулировать как упорядоченность поведения субъектов права с точки зрения «навязывания» им государственной, властной воли, установленной в нормах права (законодательства). Соответственно, юридические препятствия тогда следует рассматривать как некие негативные явления, препятствующие воплощению замысла законодателя, «установителя» правовых норм, и не позволяющие достичь желаемого им результата. Если же говорить о целях правового регулирования (правового воздействия), к примеру, с позиции многих представителей концепций американской социологической школы (Р. Паунд, О. Холмс и др.)⁴, то, в общем, их можно свести к приспособливанию правовых норм, в первую очередь по средствам судебных решений, к постоянно меняющимся социальным реалиям. С этой точки зрения юридические препятствия можно было бы рассматривать в качестве неких негативных явлений и факторов, отрицательно влияющих на процесс изменения правовых норм, «адекватное» оценивание и анализ социальных отношений и их отражение в прецедентных нормах.

Данные примеры можно продолжать долго и их интерпретация будет зависеть от того, сквозь призму какого типа правопонимания был осуществлен научный взгляд.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что дальнейшее рассмотрение природы юридических препятствий предполагает в обязательном порядке:

- анализ существующих в настоящее время типов правопонимания с целью определения той парадигмы, на основании которой будет строиться весь последующий процесс изучения природы юридических препятствий;
- рассмотрение категории «правовое регулирование (правовое воздействие)», определение его сущности и, самое главное, целей.

Итак, говоря о существующих в настоящее время типах правопонимания, необходимо отметить следующее. Кардинальная смена общественно-политической парадигмы в современной России, уход от тотальной правовой идеологии по-

² Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 3: П — Ряшка / гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; сост. В.В. Виноградов; Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. 1424 стб; Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2006–2012.

³ Лапаева В.В. Различные типы правопонимания: анализ научно-практического потенциала // Законодательство и экономика. 2006. № 4. С. 5–15.

⁴ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография / В.В. Лапаева. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с.

зволили критически оценить господствующую на протяжении долгого периода советской правовой мысли концепцию легистского понимания права, сформулированную в 1938 г. А.Я. Вышинским. В итоге современная юриспруденция имеет многообразие подходов к правопониманию.

При этом, по справедливому замечанию ряда авторов⁵, в основе различных взглядов на типы правопонимания, соответственно, и споров о понятии права, его природе лежит философская проблема соотношения сущности и явления, частным проявлением которой можно считать проблему различения и соотношения права и закона.

Например, с этой позиции В.С. Нерсесянц говорит о двух противоположных типах правопонимания: юридическом и легистском⁶. В.В. Лапаева, в свою очередь, говорит нам о позитивистском и неопозитивистском типах правопонимания⁷. При этом оба автора не исключают существования иных концепций, теорий о природе права, замечая при этом, что в любом случае в той или иной степени они являются проявлением обозначенных выше типов правопонимания. Иными словами говоря, все концепции, теории о правопонимании основаны либо на различении права и закона как сущности и явления, либо на их сопоставлении.

Не ставя перед собой задачу раскрыть содержание всех существующих в настоящее время в отечественной и зарубежной научной литературе теорий и концепций правопонимания, все же необходимо определить, какой тип правопонимания (в качестве научной парадигмы) позволит нам наиболее объективно отразить сущность юридических препятствий как отдельного правового явления. И это вполне логично, так как познание любого явления, обнаруживающего себя в праве, невозможно без познания природы самого права.

В этой связи хотелось бы сразу отметить, что любая из концепций правопонимания (легизм, социологическая теория и т.д.), основанная на эмпирическом познании только того, что объективно существует — закона, правовых обычаев, судебных прецедентов (закон в широком смысле слова), исключает «из сферы ее интересов познание сущностных характеристик права»⁸. Критика данных теорий сводится к тому, что они не позволяют отграничить правовой или неправовой характер закона в широком смысле слова — официально установленного или признаваемого государством права. С позиции представителей

позитивистского правопонимания, право — это воля государства, его установления, одобрения (в случае с правовым обычаем). Такой подход к пониманию права не позволяет отграничить его от властного произвола. С точки зрения позитивистов, законы фашистской Германии, одобряющие человекоубийство и иное бесчеловечное поведение, советские законы «о трех колосках», «о раскулачивании», приказ № 227 «ни шагу назад», отличающиеся своей жестокостью, — это тоже право. Таким образом, мы можем сказать, что признавая только официальное (зачастую произвольное) право, представители позитивистского направления исключают себя из познания сущности права как социального явления.

Диаметрально противоположной позиции придерживаются представители юридического типа правопонимания, в основе методологии познания природы права которых лежит принцип разграничения права и закона, признания объективного права, существующего вне зависимости от властных предписаний, позитивного (официального) права — закона. В рамках юридического типа правопонимания принято говорить о двух самостоятельных концепциях: естественно-правовой (юснатурализме) и либертарной. Несмотря на общую методологию, данные концепции существенно различаются.

Смысл естественно-правовой концепции сводится к признанию двух, зачастую антагонистических, параллельно действующих систем права — естественного (как единственно правильного, подлинного права), которое существует объективно, и позитивного (неподлинного права)⁹. Главный минус концепции юснатурализма заключается в том, что они не пытаются соотнести правовую сущность (в виде естественного права) с правовым явлением (позитивным правом). Для них естественное право есть одновременно и сущность, и явление, а законодательство должно ему соответствовать. В идеале должна сложиться ситуация, когда одно явление (закон) будет соответствовать другому (естественному праву). В настоящее время с позиции юснатурализма критерием правового начала позитивного права государств стало отражение в нем основных гуманистических принципов (прав и свобод человека), признаваемых международным сообществом и закрепленных в соответствующих актах международного права. По сути, как справедливо отмечает В.В. Лапаева, «речь идет не о теоретическом критерии, выражающем некий сущностный, конституирующий признак права, а об эмпирическом индикаторе, фиксирующем меру соответствия законодательства фактически признанному международным сообществом набору принципов и норм гуманистического характера, которые

⁵ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с.

⁶ Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Издательская группа ИНФРА-М; НОРМА, 1997. С. 33.

⁷ Лапаева В.В. Различные типы правопонимания: анализ научно-практического потенциала // Законодательство и экономика. 2006. № 4. С. 2.

⁸ Там же. С. 6.

⁹ Нерсесянц В.С. Философия права: краткий учебный курс. М., 2000. С. 22.

представляют собой сплав правового и морально-нравственного начал»¹⁰. Данная концепция опять же не позволяет оценить правовой характер закона, т.е. не позволяет определить его правовую сущность. Вся проблема заключается в том, что с позиции юснатурализма невозможно оценить правовой характер самих международных норм, поскольку они и есть право в силу самого факта существования. Если норма общепризнанна и отражена в международных актах, значит, она правовая и ей должно соответствовать национальное законодательство. Данная позиция, особенно в современных международных реалиях, выглядит достаточно спорной.

Абсолютно иной подход к пониманию природы права был предложен В.С. Нерсесянцем в рамках разработанной им либертарно-юридической концепции¹¹, принципиальное отличие которой от иных теорий правопонимания сводится к признанию «у права собственного отличительного признака и принципа, выражающего абстрактное, идеальное правовое начало и служащего критерием оценки как позитивного, так и естественного права»¹². Таким существенным признаком (критерием), позволяющим говорить нам о правовом либо неправовом характере закона в его широком понимании, по мнению В.С. Нерсесянца, выступает *формальное равенство*, представляющее собой триединство внутренне взаимосвязанных между собой аспектов: равной меры, свободы и справедливости¹³. Право по своей сути является *равной для всех мерой* (когда фактически неравные субъекты уравниваются между собой по единому и обязательному для всех критерию (норме)):

- *свободы* (т.е. «формальной независимости друг от друга и вместе с тем подчинением единой равной мере, действием по единой общей форме»¹⁴);
- и *справедливости* (всеобщие для всех требования права, исключаящие привилегии для отдельных субъектов).

Таким образом, с позиции либертарной теории правопонимания не происходит антагонистического разделения права как сущности и закона как явления, что свойственно концепции юснатурализма. Напротив, «в либертарной концепции правопонимания именно сущность права, выраженная через принцип формального равенства, служит критерием правового харак-

тера норм как позитивного, так и естественного права: и те, и другие нормы являются правом в подлинном смысле этого слова лишь в той мере, в какой они соответствуют требованиям принципа формального равенства»¹⁵. Более того, необходимо отметить, что с позиции либертарной концепции объективно право может существовать только в форме правового закона — позитивного права, отражающего в себе принцип формального равенства¹⁶. В целом же необходимо разделить позицию В.В. Лапаевой, отметившей, что «выработанный в рамках концепции критерий правового начала (принцип формального равенства) — это ...принцип, на основе которого можно диалектически «снять» противоречия между различными подходами к правопониманию и объединить их познавательные потенциалы... С позиций данного критерия, как позитивное право (в трактовке легистов), так и естественное право (в трактовке юснатуралистов) — это право постольку и в той мере, поскольку и в какой мере они (их положения) соответствуют критериям правового закона»¹⁷.

Учитывая все вышесказанное, необходимо резюмировать, что именно либертарно-юридический тип правопонимания, по мнению автора, должен быть положен в основу научного познания тех или иных правовых явлений, поскольку позволяет уяснить сущность права как такового. А без познания данной сущности, как мы уже говорили выше, познавать явления, обнаруживающие себя в праве, невозможно. В связи со сказанным, дальнейший анализ «юридических препятствий» предлагается осуществить именно сквозь призму либертарно-юридического правопонимания.

Общее определение права (при условии, что его сущность находит свое проявление в законе — позитивном праве) с позиции обозначенной нами концепции правопонимания можно сформулировать так: *право — это соответствующая принципу формального равенства система норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных возможностью применения мер государственного принуждения*¹⁸.

Назначение права при этом состоит в том, чтобы упорядочить, урегулировать общественные отношения в соответствии с принципом формаль-

¹⁰ Лапаева В.В. Различные типы правопонимания: анализ научно-практического потенциала // Законодательство и экономика. 2006. № 4. С. 7.

¹¹ См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Издательская группа ИНФРА-М; НОРМА, 1997. 652 с.

¹² Лапаева В.В. Легизм как тип правопонимания // Законодательство и экономика. 2007. № 6. С. 2.

¹³ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 132.

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 133.

¹⁶ См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Издательская группа ИНФРА-М; НОРМА, 1997. С. 36.

¹⁷ Лапаева В.В. Различные типы правопонимания: анализ научно-практического потенциала // Законодательство и экономика. 2006. № 4. С. 10.

¹⁸ Общая теория государства и права: в 3 т. Т. 2. Право: Академ. курс / М.Н. Марченко, С.Н. Бабурин и др.; 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 11.

ного равенства. Право должно действовать, иными словами, оказывать воздействие на общественные отношения. Поэтому право (как категорию статическую) необходимо рассматривать в динамике, движении, чтобы проследить, каким образом реализуется его потенциал, осуществляется социальное регулятивное предназначение. В научной литературе принято говорить о двух категориях, отражающих процесс воздействия права на поведение субъектов, общественные отношения: «правовое регулирование» и собственно «правовое воздействие». Наиболее распространенной точкой зрения является понимание правового регулирования в качестве одной из форм правового воздействия. При этом правовое воздействие рассматривается как «результативное, нормативно-организационное влияние на общественные отношения как системы собственно правовых средств (норм права, правоотношений, актов реализации права), так и иных правовых явлений, например правосознания, правовой культуры, правовых принципов, правотворческого процесса»¹⁹. Правовое регулирование, в свою очередь, подразумевает под собой непосредственно юридическое регулирующее воздействие на общественные отношения при помощи совокупности правовых средств. То есть понятие «правовое воздействие» с данной точки зрения шире понятия «правовое регулирование».

Необходимо отметить, что помимо собственно регулирующего воздействия (правового регулирования) говорят об информационном, воспитательно-ориентационном, социальном и других формах воздействия права. Данную точку зрения можно проиллюстрировать на конкретном примере. Статья 158 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовное наказание за тайное хищение чужого имущества — кражу. Непосредственно регулирующее воздействие (правовое регулирование) данной нормы права будет заключаться в реализации предусмотренных в ней санкций к лицу, совершившему преступление. При этом сам факт установления ст. 158 Уголовного кодекса РФ, содержащаяся в ней информация предупреждают граждан о том, что кража является поведением недопустимым и наказуемым (информационное воздействие). Осознание данных правовых предписаний, а также осознание того, что совершение кражи выходит за рамки предоставленной правом свободы, формирует у граждан соответствующее правомерное поведение (воспитательное воздействие).

Следует отметить, что деление правового воздействия на формы очень условно, так как все они тесно взаимосвязаны между собой. Более того, заслуживает внимания позиция М.А. Драчук о том, что разделение правового воздействия и правового

регулирования во многом зависит от того, какие элементы автор включает в структуру механизма правового регулирования. Если в состав элементов последнего включать режим законности и правопорядка, действие права вне правоотношений и не требующие корреспондирующих друг другу действий формы правореализации, то механизм действия права (*правового воздействия*). — Прим. авт.) и механизм правового регулирования будут тождественными²⁰. Так, к примеру, Р.К. Русинов относит к элементам механизма правового регулирования юридические нормы, нормативно-правовые акты, акты официального толкования, юридические факты, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты, правосознание, режим законности, где каждый из этих элементов выполняет свои регулятивные функции, воздействует на поведение людей и общественные отношения своим способом²¹. Очевидно, что автор в данном случае не видит других, «отдельных» форм воздействия правовых явлений на общественные отношения, кроме непосредственно регулятивной формы. В этой мысли есть рациональное зерно, поскольку обозначенные нами выше информационная и воспитательная формы воздействия права так или иначе тоже влияют на поведение субъектов — в качестве информационной основы поведения («знаю, что нельзя», «знаю, что можно») и внутреннего убеждения, мотивации, правовой установки («поэтому не буду», «поэтому воспользуюсь»); следовательно, данные формы могут или даже должны рассматриваться как взаимодополняющие друг друга части правового регулирования.

Подводя определенный итог, можно сказать, что по сути дискуссия о соотношении понятий «правовое воздействие» и «правовое регулирование» сводится к соотношению более широкого и более узкого понятий. Так, С.С. Алексеев в своей работе «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве»²² говорит нам о правовом воздействии как широком понятии, «которое характеризует право в действии, все направления и формы влияния права на общественную жизнь, в том числе и функционирование права в качестве духовного фактора»²³. При этом, говоря о правовом воздействии в широком понимании, С.С. Алексеев отмечает, что существует два пути воздействия права на общественные от-

¹⁹ Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 369.

²⁰ Драчук М.А. Управление, правовое воздействие и механизм правового регулирования: соотношение понятий // Вестник Омского университета. 2014. № 1 (71). 2014. С. 173–180.

²¹ Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. М.: Норма, 2002. С. 277.

²² Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.

²³ Берг Л.Н. Генезис теоретических представлений о правовом воздействии в отечественном правоведении // История государства и права. 2014. № 20. С. 30.

ношения: идеологическое и специальное (при помощи специальных правовых средств). При этом характерным для права является только специальное регулирующее воздействие на поведение людей, которое охватывается понятием «правовое регулирование». Идеологическое же воздействие не является для права специфическим, «в принципе не отличается от влияния на общественную жизнь других идеологических средств, в частности средств агитации и пропаганды; периодической печати, радио...»²⁴, при этом идеологическое воздействие права тесным образом сочетается с правовым регулированием. Иными словами, мы можем сказать, что если рассматривать воздействие права на общественные отношения узко, с юридической точки зрения, или говорить о специфическом регулирующем воздействии права, то необходимо оперировать понятием «правовое регулирование»; если же мы хотим рассмотреть все пути влияния права на поведение субъектов, то необходимо говорить о «правовом воздействии».

При таком подходе, на наш взгляд, и учитывая, что нам необходимо всесторонне рассмотреть механизм воздействия права на общественные отношения в целях изучения категории «юридические препятствия», целесообразней будет данный процесс исследования осуществлять сквозь призму понятия «правовое воздействие» — более широкое по своему содержанию, чем понятие «правовое регулирование».

Итак, как мы уже обозначали выше, критически важным с позиции рассмотрения категории юридических препятствий является определение целей правового воздействия — того конечного результата, достичь которого не удастся, в свою очередь, из-за воздействия юридических препятствий.

Право — это социальный регулятор, основное назначение которого состоит в упорядочении, урегулировании социальной жизни, придании ей стабильности и динамизма при помощи различных правовых средств и явлений. Реализуется социальное назначение права в процессе правового воздействия и в первую очередь в процессе правового регулирования. С позиции либертарной теории правопонимания такой процесс можно сформулировать следующим образом. В целях достижения справедливой уравниваемости фактически неравных между собой субъектов (что позволит урегулировать, сбалансировать их поведение) необходимо при помощи различных правовых действий уравнивать их в свободе отношений на основании единой и обязательной для всех меры поведения — нормы правового закона²⁵. Цель правового воздействия можно определить в качестве

достижения такого состояния упорядоченности и урегулированности общественных отношений, когда все субъекты таких отношений уравниваются в возможностях своего поведения, не выходящего за пределы предоставленной правовыми нормами свободы.

Таким образом, любые преграды, препоны, помехи, любые негативные явления и процессы, которые не способствуют, препятствуют достижению указанной цели правового воздействия, мы можем квалифицировать в качестве юридических препятствий.

Список литературы

1. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Парламентская газета. 2002. № 209–210. 2 ноября.
2. Берг Л.Н. Генезис теоретических представлений о правовом воздействии в отечественном правоведении // История государства и права. 2014. № 20.
3. Драчук М.А. Управление, правовое воздействие и механизм правового регулирования: соотношение понятий // Вестник Омского университета. 2014. № 1 (71). 2014. С. 173–180.
4. Кальяк А.М. Влияние естественно-правовой доктрины на конституционное право: отдельные проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 3–6.
5. Лапаева В.В. Легизм как тип правопонимания // Законодательство и экономика. 2007. № 6. С. 10–19.
6. Лапаева В.В. Различные типы правопонимания: анализ научно-практического потенциала // Законодательство и экономика. 2006. № 4. С. 5–15.
7. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография / В.В. Лапаева. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с.
8. Максимов Г.Б. К вопросу о механизме действия права // Право и практика. 2013. № 2. С. 27–33.
9. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
10. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Издательская группа ИНФРА-М; НОРМА, 1997. 652 с.
11. Нерсесянц В.С. Право и правовой закон / под ред. В.В. Лапаевой. М., 2009. 384 с.
12. Нерсесянц В.С. Философия права: краткий учебный курс. М.: Изд-во, 2000. С. 22.
13. Общая теория государства и права: в 3 т. Т. 2. Право: Академ. курс / М.Н. Марченко, С.Н. Бабурин и др.; 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2013. 816 с.
14. Осипов М.Ю. Теория социально-правовых процессов [Электронный ресурс]. Тула, 2011. 386 с. URL: <http://znanium.com/bookread2.php?book=526338>.
15. Скоробогатов А.В. Современные концепции правопонимания: учеб.-практ. пособие. Казань: Институт экономики, управления и права. 2010. 159 с.
16. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2006–2012.
17. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. М.: Норма, 2002. 616 с.
18. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2013. 464 с.
19. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 3: П–Ряшка. / гл. ред. Б.М. Воллин, Д.Н. Ушаков; сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939–1424 стб.

²⁴ Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. М.: Юрид. лит., 1966. С. 18.

²⁵ Нерсесянц В.С. Право и правовой закон / под ред. В.В. Лапаевой. М., 2009. С. 99.

To a question about the nature of legal obstacles

Bortsov A.V.,

Lecturer of the Department of Civil and Legal Disciplines
of Perm Institute of the Federal Penal System
E-mail: borcov_90@mail.ru

Abstract. *This article analyzes the spread in recent years in the scientific literature category of «legal barriers». The author concludes that legal obstacles need to be considered from the perspective of libertarian legal type of legal thinking. Legal barriers can be classified as any negative phenomena and processes that do not contribute to hinder achievement of this legal action.*

Keywords: *obstacles, legal thinking, libertarian legal theory, Legalism, legal effect, legal regulation.*

References

1. O nesostoyatelnosti (bankrotstve): Feder. zakon ot 26 oktyabrya 2002 g. № 127-FZ // Parlamentskaya gazeta. 2002. № 209–210. 2 noyabrya.
2. Berg L.N. Genezis teoreticheskikh predstavleniy o pravovom vozdeystvii v otechestvennom pravovedenii // Istoriya gosudarstva i prava. 2014. № 20.
3. Drachuk M.A. Upravlenie, pravovoe vozdeystvie i mehanizm pravovogo regulirovaniya: sootnoshenie ponyatiy // Vestnik Omskogo universiteta. 2014. № 1 (71). 2014. S. 173–180.
4. Kalyak A.M. Vliyaniye estestvenno-pravovoy doktriny na konstitutsionnoye pravo: otdelnyye problemy // Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo. 2015. № 7. S. 3–6.
5. Lapaeva V.V. Legizm kak tip pravoponimaniya // Zakonodatelstvo i ekonomika. 2007. № 6. S. 10–19.
6. Lapaeva V.V. Razlichnyye tipy pravoponimaniya: analiz nauchno-prakticheskogo potentsiala // Zakonodatelstvo i ekonomika. 2006. № 4. S. 5–15.
7. Lapaeva V.V. Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika: monografiya / V.V. Lapaeva. M.: Rossiyskaya akademiya pravosudiya, 2012. 580 s.
8. Maksimov G.B. K voprosu o mehanizme deystviya prava // Pravo i praktika. 2013. № 2. S. 27–33.
9. Mehanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskoy gosudarstve / S.S. Alekseev. M.: Yurid. lit., 1966. 187 s.
10. Nersesyants V.S. Filosofiya prava: uchebnik dlya vuzov. M.: Izdatelskaya gruppa INFRA-M; NORMA, 1997. 652 s.
11. Nersesyants V.S. Pravo i pravovoy zakon / pod red. V.V. Lapaevoy. M., 2009. 384 s.
12. Nersesyants V.S. Filosofiya prava: kratkiy uchebnyy kurs. M.: Izd-vo, 2000. S. 22.
13. Obschaya teoriya gosudarstva i prava: v 3 t. T. 2. Pravo: Akadem. kurs / M.N. Marchenko, S.N. Baburin i dr.; 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma; NITs INFRA-M, 2013. 816 s.
14. Osipov M.Yu. Teoriya sotsialno-pravovykh protsessov (Elektronnyy resurs). Tula, 2011. 386 s. URL: <http://znanium.com/bookread2.php?book=526338>.
15. Skorobogatov A.V. Sovremennyye kontseptsii pravoponimaniya: ucheb.-prakt. posobie. Kazan: Institut ekonomiki, upravleniya i prava. 2010. 159 s.
16. Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyika: v 3 t. / pod red. T.F. Efremovoy. M., 2006–2012.
17. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov / pod red. prof. V.M. Korelskogo i prof. V.D. Perevalova. M.: Norma, 2002. 616 s.
18. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / L.A. Morozova. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma; NITs INFRA-M, 2013. 464 s.
19. Tolkovyy slovar russkogo yazyika: v 4 t. M.: Sov. entsykl.: OGIz, 1935–1940. T. 3: P–Ryashka. / gl. red. B.M. Volin, D.N. Ushakov; sost. V.V. Vinogradov, G.O. Vinokur, B.A. Larin, S.I. Ozhegov, B.V. Tomashevskiy, D.N. Ushakov; pod red. D.N. Ushakova. M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1939–1942 stb.